

УДК 821.161.1.09-2+929[Чехов+Лермонтов]

ОБРАЗ СОЛЁНОГО В ПЬЕСЕ ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ» И ЛЕРМОНТОВ

П. Н. Долженков

Долженков Петр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, pnd57@mail.ru

В статье демонстрируется сходство поведения и ряда черт личности персонажа «Трёх сестер» Соленого и Лермонтова, а утверждается, что Соленый не играет в Лермонтова, а у него действительно характер Лермонтова. Персонаж, мечтающий о себе ином, становится виновником несчастий персонажей, мечтающих об иной жизни.

Ключевые слова: история русской литературы XIX века, Лермонтов, драматургия Чехова, «Три сестры», образ Соленого.

The Image of Solyony in Chekhov's Play *Three Sisters* and Lermontov

P. N. Dolzhenkov

Petr N. Dolzhenkov, <https://orcid.org/0000-0002-0074-0362>, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia, pnd57@mail.ru

The article shows how the behavior of Solyony, a character from *Three Sisters*, and a number of personality traits are similar to those of Lermontov. It is claimed that Solyony does not play Lermontov, indeed, he has Lermontov's personality. The character dreaming of a different self becomes guilty of the misfortunes of characters dreaming about a different life.

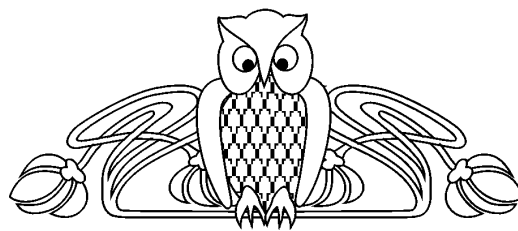
Key words: history of the 19th century Russian literature, Lermontov, Chekhov's plays, *Three Sisters*, Solyony's image.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-448-452>

Чехов любил творчество Лермонтова, ценил его, ставил в один ряд с Шекспиром, Толстым и Пушкиным, нередко цитировал поэта в письмах. Правда, в зрелом творчестве писателя лермонтовские строки герои Чехова цитируют не часто.

Тема «Чехов и Лермонтов» до сих пор мало исследована.

Более всего внимание исследователей привлекало сопоставление стилей этих писателей. Например, Т. И. Новикова пришла к выводу: «Истоком формирования чеховского стиля является проза Пушкина и особенно Лермонтова»¹. А. А. Ф. Захаркин писал: «Чехов учился у Лермонтова сжатости и простоте, благозвучности, после – точности <...> Общность писательских приемов наиболее заметна в следующих произведениях Лермонтова и Чехова: “Княжна Мери” и “Верочка”, “Княжна Мери” – “Дуэль”, “Тамань” – “Воры”, а в драматических произведениях – “Странный человек” – “Иванов”»². Писатель

особенно ценил «Тамань», и Т. Ю. Ильюхина предполагает, что Чехов вспоминал о «Тамани», работая над «Степью», она утверждает: «Без сомнения, язык чеховского произведения находится в самой тесной связи с повестью Лермонтова»³.

А. Ф. Захаркин также отмечал: «В некоторых случаях у них была близость и тематическая»⁴.

В контексте лермонтовского творчества, с точки зрения содержания, рассматривались в основном лишь «Верочка», «Воры», «Дуэль», «Иванов» и «Три сестры». То, что количество сопоставляемых произведений невелико, объясняется большими различиями в тематике, проблематике и поэтике между романтиком и писателем-реалистом.

Первым назвал Соленого, на основании неточного цитирования лермонтовских строк («а он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой»), «буревестником», «убийцем-буревестником», имея в виду Горького, Эдгар Бройде⁵. Тогда же такой подход к образу Соленого высмеял Саймон Карлинский в своей рецензии.

Неожиданно в начале 2000-х гг. точку зрения Бройде поддержал В. Б. Катаев, доказывая, что Чехов частично использовал особенности личности и творчества Горького, создавая образ Соленого.

«Грубая прямота в оценках, страсть к спорам, которые сам готов признать нелепыми, несогласие с очевидным – черты личности молодого Горького <...> Кто знает, может быть, подобные черты в образ Соленого пришли именно отсюда...»⁶. И далее известный ученый пишет о натуре Горького: «И эта сложность: внешняя грубость, за которой скрывается своеобразный лиризм, даже тонкость, – возможно, была учтена Чеховым при создании образа Соленого»⁷.

И хотя сам Чехов писал Горькому: «Вам менее всего присуща именно грубость»⁸, вполне возможно, что указанные В. Б. Катаевым особенности личности и поведения Горького Чехов учитывал при создании образа своего героя.

Другие исследователи, обращаясь к творчеству великого романтика, сравнивали образ Соленого с Печерным. Но в 1991 г. Н. И. Ишук-Фадеева предложила и другую возможную версию: «...он не Лермонтов и даже не Печерин <...> а Грушницкий, доживший до конца века и в новых условиях превратившийся из смешной фигуры в трагическую»⁹.

Традиционно же считается, что в обществе Соленый ведет себя, подражая Лермонтову, или воображает себя Лермонтовым, играет в

Лермонтова. И в пьесе Чебутыкин утверждает: «Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет»¹⁰.

Итак, многие считают, что Соленый играет в Лермонтова, но ведь сам персонаж говорит: «...у меня характер Лермонтова». Если он прав, то он не играет, а ведет себя в соответствии со своим характером.

Действительно ли Соленый похож по характеру на Лермонтова? Выясним этот вопрос.

Не один мемуарист пишет, что великий поэт был застенчив: «Лермонтов долго был нескладным мальчиком и даже в молодости, выезжая в свет, имея на всем Кавказе славу льва-писателя, не мог отделаться от застенчивости, которую только прикрывал то холодностью, то насмешливой сумрачностью приемов», – писал А. В. Дружинин в статье «Сочинения Лермонтова»¹¹. «Он свою природную застенчивость маскирует притворной дерзостью», – утверждала О. Н. Смирнова¹².

А вот что говорит о себе Соленый: «... в обществе я уныл, застенчив» (151).

Почти все отмечали острый, сильный ум Лермонтова. Тузенбах говорит о Соленом: «Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков» (135).

Оба, и поэт, и персонаж Чехова, способны на проявления нежности: «Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!..» – восхищался Белинский, имея в виду душу поэта (по воспоминаниям И. И. Панаева¹³), и пронизательности великого критика можно верить – с другой стороны, неподдельная нежность звучит в любовном признании Соленого Ирине.

Можно полагать, что подавляющее большинство людей не понимало Лермонтова: его личность, поведение. Скорее всего, никто не понимает и Соленого. Об этом можно судить по его словам Ирине: «Вы одна, только вы одна можете понять меня» (154).

Если, по словам Тузенбаха, Соленый наедине с ним был часто ласков, то о Лермонтове его немногочисленные друзья и близкие приятели говорили: «Преданный и открытый в дружбе», «милый, добрый товарищ», «добрый малый», «душу имел добрую». «С глазу на глаз и вне круга товарищей он был любезен, речь его была интересна, всегда оригинальна и немного язвительна», – вспоминает М. Б. Лобанов-Ростовский¹⁴.

На фоне сказанного о герое Чехова обособанным выглядит признание Тузенбаха: «... все же вы мне симпатичны почему-то» (151). То, что в Соленом есть и нечто «симпатичное», подтверждает и то обстоятельство, что его, несмотря на неуместные выходки, все-таки принимают в приличном обществе, в доме Прозоровых, и даже приглашают на праздники (именины Ирины, Рождество). Для сравнения: довольно значительное лицо в городе, ставшее вскоре начальником Андрея, Протопопова, в дом трех сестер не приглашают.

Одним словом, в ситуации «с глазу на глаз» чеховский персонаж и великий поэт вели себя похоже, проявляли примерно одинаковые черты характера, если перед ними был достойный человек.

Совсем по-другому они вели себя в обществе.

Лермонтов был остроумным человеком, но нередко его шутки имели издевательский характер, его шалости порой были грубы, иные его поступки были неуместными с точки зрения норм, принятых в обществе, он часто очень меткими остротами оскорблял людей, подчас достойных полного внимания и уважения. Он говорил о себе так: «...у меня дурной характер; я вспыльчив, зол, ревнив»¹⁵. Современники отмечали в нем завистливость, жажду господства над всеми, тяжелый, несходчивый характер, болезненное самолюбие, честолюбие, высокомерие.

Забавы Лермонтова порой были очень жестоки. Например, он расстроил брак Е. А. Сушковой с Лопухиным, притворившись в нее влюбленным. Е. П. Ростопчина так отзывалась о нем: «... забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покинуть и оставлять в тщетном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюбленного в продолжение нескольких дней; всем этим, как казалось, он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность»¹⁶.

Таковы были обратная сторона души Лермонтова и его поведение в обществе.

В его душе сочетались нежность, доброта и жестокость, злоба. (Сочетание нежности и жестокости характерно для шизоидного типа личности.)

Похоже ведет себя в обществе и Соленый. Тузенбах говорит о нем: «... в обществе он грубый человек, бретер» (135). Он, подобно Лермонтову, старается часто шутить, но, надо думать, Соленый то просто не смешны, то непонятны, а то и глупы. Впервые мы видим его на сцене именно шутящим, и эта шутка просто не смешна: «Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудов. Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое, даже больше...» (122), – утверждает он Чебутыкину. Разумеется, штабс-капитан не пытается сделать научное открытие, он просто старается шутить. Вот другая шутка – Вершинин говорит: «А наливка вкусная. На чем это настоено?». «На тараканах» (136), – отвечает Соленый. Это обидная для хозяев шутка, похожая на издевательство. А вот пример очень грубой шутки с привкусом демонизма: «Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковороде и съел бы» (148–149), – заявляет он Наташе во втором действии.

Сотворил Соленый и шалость – съел все конфеты, купленные Прозоровыми для Рождество.

Он пытается умничать, говорить умные вещи, но у него это плохо получается. Не будем приво-

дить примеров, а доверимся оценке Ирины: «Он говорит одни глупости...» (135).

И это при том, что, по словам Тузенбаха, один на один он бывает очень умен. Это можно объяснить только тем, что Соленый, по его же словам, в обществе застенчив, и это не дает ему возможности рассуждать вполне раскованно.

Правда, надо полагать, что порой, говоря заведомые глупости, Соленый думает, что этим веселит публику.

У Лермонтова в обществе была и такая забава. «У него была страсть отыскивать в каждом своем знакомом какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость, и, отыскав ее, он упорно и постоянно преследовал такого человека, подтрунивал над ним и выводил его наконец из терпения. Когда он достигал этого, он был очень доволен. <...> ему непременно нужна была ж е р т в а, – без этого он не мог быть п о к о е н, – и, выбрав ее, он уж беспощадно преследовал ее. Он непременно должен был кончить так трагически: не Мартынов, так кто-нибудь другой убил бы его»¹⁷. Так описывает эту злую забаву Лермонтова И. И. Панаев.

Соленый также выбирает себе жертву для преследования и доводит дело, как и Лермонтов, до дуэли. Эта жертва – Тузенбах. И мы можем отметить еще одно сходство поведения Лермонтова и чеховского героя. «В школе (имеется в виду юнкерская школа. – П. Д.) Лермонтов имел страсть приставать со своими острыми и часто даже злыми насмешками к тем из товарищей, с которыми он был более дружен», – вспоминает А. М. Меринский¹⁸. А мы можем полагать, что Тузенбах был приятелем Соленого, основываясь на его словах: «...все же вы мне симпатичны почему-то», – и на том, что Соленый наедине с ним был часто ласков.

К тому же Тузенбах подходил для роли «жертвы», поскольку он, человек интеллигентный, добрый, достаточно мягкий, как и Мартынов в случае с Лермонтовым, долго терпит обидные выходки Соленого и не идет на открытую ссору, не реагирует адекватно, а пытается остановить штабс-капитана примирительными словами. Например: «Довольно, Василий Васильич. Будет!» (134).

Выбор на роль «жертвы» именно Тузенбаха обусловило, видимо, и чувство ревности Соленого к Ирине.

Почти сразу же по приходу к Прозоровым чеховский герой грубо задевает Тузенбаха: «Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой». А затем произносит: «Он ахнуть не успел, как на него медведь напал» (124), – неточно цитируя басню Крылова «Хозяин и работник», в которой говорится о смертельной опасности, нависшей над хозяином, и неблагодарности по отношению к спасшему его от гибели работнику. В контексте всей пьесы становится понятным, что в эту цита-

ту вложены упрек в неблагодарности и намек на смертельную угрозу. (Позже выяснится, что эта фраза Крылова адресована Тузенбаху.)

Упрек в неблагодарности можно понять так: штабс-капитан упрекает своего товарища в том, что тот влюбился в ту девушку, которую любит он сам, стал его соперником и, возможно, по мнению Соленого, отбивает ее у него. Намек на смертельную опасность – это, по всей вероятности, предупреждение о возможности трагической развязки сложившейся ситуации.

Чеховский персонаж говорит: «Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздражить...» – это опять же неточная цитата из басни Крылова («Гуси»). В этой басне стадо гусей гонят на базар на продажу, и в затеянном разговоре Прохожий говорит, что гуси годны лишь на жаркое. Эту цитату Соленый произносит, глядя на Тузенбаха и тут же восклицает: «Цып». А на протяжении пьесы он не раз дразнит барона: «Цып, цып, цып», имея в виду басню Крылова.

Эти слова не только оскорбительны для Тузенбаха (его уподобляют гусю), но опять же таят в себе смертельную угрозу («стать жарким»). И недаром перед уходом на дуэль Соленый говорит Чебутыкину: «Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа» (179). (Правда, скорее всего, далеко не с самого начала пьесы Соленый решил, что он должен обязательно убить барона, решение, наверняка, пришло только тогда, когда Тузенбах одержал окончательную победу в любовном соперничестве.)

В конце концов чеховский герой реализовал свою угрозу.

Но Соленый ложно цитирует и Пушкина, называя Тузенбаха Алеко – именем главного героя поэмы «Цыгане», убившего изменившую ему женщину и (из ревности) того, с кем она ему изменила.

Дуэль в пьесе – это практически убийство Тузенбаха за то, что он собирается жениться на Ирине, которую любит Соленый. И при этом Ирина не любит ни того, ни другого. Поэтому не ревность причина дуэли. Мотив дуэли достаточно низок (месть), и чеховский персонаж хочет представить ее окружающим в другом свете.

Называя барона Алеко, штабс-капитан пытается внушить другим, что Тузенбах обладает качествами пушкинского героя и вполне может и хочет из ревности убить другого человека, соперника в любви. (А барон, наверняка, даже не подозревает, что Соленый любит Ирину.) Соленый хочет выставить дело так, будто дуэли желали они оба. Тогда дуэль будет выглядеть таким образом: стреляются из ревности два врага, соперники в любви, оба желающие смерти противника. И вызвал на дуэль, желая убить, именно Тузенбах.

Тогда дуэль впишется в ряд обычных дуэлей (правда, эта дуэль принадлежит к числу своеобразнейших в русской литературе, так как стреляются два неудачливых в любви человека,

ни одного из них Ирина не любит), и Солёный будет во многом нравственно обелен.

(Кстати, убить на дуэли тогда было совсем не просто. Когда в конце века вновь временно разрешили дуэли, тогда ввели правило: дуэлянты не должны были сходить ближе, чем на тридцать шагов. И, согласно статистике, из происшедших тогда трехсот с небольшим дуэлей только тридцать закончились смертью или тяжелым ранением. Так что гибель Тузенбаха можно рассматривать как исключительный случай.)

Настоящий мотив дуэли: «Но счастливых соперников у меня не должно быть... <...> Клянусь вам всем святым, соперника я убью...» (154), – говорит он Ирине в сцене объяснения в любви. И его слова отдают демонизмом. Нечто демоническое было и в натуре Лермонтова. (Кстати, как и Лермонтов, Солёный участвовал не в одной дуэли.)

Почему же в обществе Солёный ведет себя, как и великий поэт?

Лермонтов не мог занять заметного положения в обществе, так как не был ни богат, ни знатен, более чем не выделялся своим внешним обликом. А самолюбие, честолюбие, гордость рождали в нем жажду выделиться в обществе, обратить на себя всеобщее внимание, не быть одним из многих. «Смолоду его грызла мысль, что он дурен, несладен, не знатного происхождения, и в минуты увлечения он признавался мне не раз, как бы хотелось ему попасть в люди, а главное, никому в этом не быть обязану, кроме самого себя», – писала Е. А. Сушкова¹⁹.

Для него оставались другие возможности, чтобы выделиться в обществе: прослыть остроумцем, очень умным человеком или, наконец, бретером и даже демонической личностью. Лермонтов, почти вынужденно, их и выбирает, и при этом выбирает сразу все. И добивается успеха, становится заметной фигурой в обществе.

Солёный, обладая «характером Лермонтова», движим теми же мотивами поведения и жаждет того же: выделиться, обратить на себя особое внимание в окружении трех сестер. Но порядочность со всеми составляющими ее компонентами – просто обязательное условие для того, чтобы человека принимали в доме Прозоровых. Порядочностью не выдеришься. И Солёный оказывается в ситуации, схожей с лермонтовской, и тоже почти вынуждено идет по пути Лермонтова, выбирает те же возможности. Но штабс-капитан не обладает способностями великого человека, а потому у него почти ничего не получается (он сам признает: «... в обществе <...> говорю всякий вздор»). Возможно, эти неудачи и приводили его едва ли не к демонической злобе к людям.

Сестры живут в обывательском, пошлом городе и страдают в нем, и вполне логично, когда причиной их несчастий становится мещанка Наташа, явившаяся в дом сестер из пошлой и серой городской среды. Но причиной несчастья Ирины, коснувшегося и близких ей людей, становится

человек из общества, окружающего сестер. Как это объяснить?

Чеховский герой, почти всегда обыкновенный человек, страдает в серой, пошлой, грубой, враждебной, нелепой жизни. И нередко мечтает о какой-то иной, яркой, полнокровной и свободной жизни. И эта мечта понятна, и в ней нет ничего плохого.

Эта мечта стала едва ли не главным стержнем и одной из основных тем «Трех сестер». «Иная жизнь» связывается в представлениях сестер с идеализируемой ими Москвой, в которую они страстно жаждут переехать.

Но у Чехова есть и другой тип героев. Обыкновенный человек мечтает об ином себе: необыкновенном, ярком, оригинальном, – и в итоге он становится источником несчастий для других людей, а порой и для самого себя. Это один из чеховских мотивов.

Например, страстная жажда быть «избранным», великим человеком, выраженная в крайней степени в образе Коврина, главного героя рассказа «Черный монах», приводит к непоправимым разрушениям в жизни близких ему людей. «Я приняла тебя за необыкновенного человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим...» – говорит Таня Песочная, его бывшая жена, теперь страдающая женщина. Ее отец тоже считал магистра необыкновенным человеком, гордился им и тем, что его дочь вышла за него замуж. В итоге дело его жизни, сад, погибает.

В рассказе «Попрыгунья» увлечение Ольги Ивановны «необыкновенными людьми», ее мечта о себе как о великой художнице тоже оказываются разрушительными, гибнет ее муж.

В повести «Дуэль» фон Корен, мнящий себя крупным ученым и претендующий на лидерство в городском обществе, лишь по случайности не убивает человека.

Можно привести в пример и пьесу «Дядя Ваня» и рассказ «Княгиня».

Таков же и Солёный, мечтающий о себе как о личности более значительной, чем есть на самом деле, например, он говорит: «... все-таки я честнее и благороднее очень, очень многих» (151). В «Трех сестрах» Чехов, пожалуй, впервые в своем творчестве тесно сводит друг с другом оба типа своих «мечтателей».

И «мечтатель» Солёный, как и другие ему подобные персонажи Чехова, выполняет свою «миссию»: разрушает надежды Ирины на семейную, трудовую, нравственно чистую жизнь. Именно «мечтатель» губит мечту «мечтательницы» – в этом даже можно видеть иронию жизни, в чеховском ее понимании. Таков итог соприкосновения двух описанных нами типов чеховских героев.

В первой редакции пьесы Солёный вел себя в обществе почти так же, как и все, но при переработке «Трех сестер» и при дальнейшей правке Чехов добавил штабс-капитану ряд высказываний, гораздо более сближающих его с Лермонтовым.

Для введения в драму важного для писателя мотива Чехову и понадобился Лермонтов с особенностями его личности и поведения.

Одним словом, Солёный не подражает Лермонтову, а обладает складом психики, схожим с чертами личности великого поэта. Это и объясняет определенное сходство его поведения с поведением Лермонтова.

Примечания

- ¹ Новикова Т. М. Ю. Лермонтов и А. П. Чехов (Из наблюдений над стилем) // М. Ю. Лермонтов : материалы и сообщения VI Всесоюзной лермонтовской конференции. Ставрополь, 1965. С. 175.
- ² Захаркин А. Лермонтов и Чехов // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1967. Т. 256 : Очерки по истории русской литературы. Ч. 1. С. 82, 84.
- ³ Ильюхина Т. Чехов читает Лермонтова : «Степь» сквозь «Тамань» // М. Ю. Лермонтов : художественная картина мира : сб. ст. Томск, 2008. С. 176.
- ⁴ Захаркин А. Указ. соч. С. 79.
- ⁵ Бройде Эдгар. Чехов, мыслитель-художник. Frankfurt a/M, 1980. С. 167.
- ⁶ Катаев В. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. М., 2004. С. 313.
- ⁷ Там же. С. 314.
- ⁸ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1974–1983. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. Письма. Т. 8. С. 11.
- ⁹ Фадеева Н. Лермонтовские реминисценции в пьесе А. П. Чехова «Три сестры» // История литературы и художественное восприятие : сб. науч. тр. Тверь, 1991. С. 49.
- ¹⁰ Чехов А. Указ. соч. Сочинения. Т. 13. С. 177. В дальнейшем тексты Чехова приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ¹¹ Дружинин А. Из статьи «Сочинения Лермонтова» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 330.
- ¹² Смирнова О. О стихотворении «А. О. Смирновой» // Там же. С. 294.
- ¹³ Панаев И. Из «Литературных воспоминаний» // Там же. С. 310.
- ¹⁴ Лобанов-Ростовский М. Из записок // Там же. С. 305.
- ¹⁵ Сушкова Е. Из «Записок» // Там же. С. 121.
- ¹⁶ Ростопчина Е. Из письма к Александру Дюма // Там же. С. 360.
- ¹⁷ Панаев И. Указ. соч. С. 306.
- ¹⁸ Меринский А. М. Ю. Лермонтов в юнкерской школе // Там же. С. 165.
- ¹⁹ Сушкова Е. Указ. соч. С. 99.

Образец для цитирования:

Долженков П. Н. Образ Солёного в пьесе Чехова «Три сестры» и Лермонтов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-448-452>

Cite this article as:

Dolzhenkov P. N. The Image of Solyony in Chekhov's Play *Three Sisters* and Lermontov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 448–452 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-448-452>